

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ САООПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВОСПОМИНАНИЙ

© Сулим О.С.

Младший научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
sulimos@ipran.ru; ORCID: 0009-0005-8011-6330

Изучение самоопределяющих автобиографических воспоминаний (СОВ) является перспективным направлением исследований в области психологии личности. Такие воспоминания могут выступать в качестве уникальных единиц анализа Я-концепции, поскольку позволяют в сжатой, «метафорической» форме отразить ее основное содержание. Однако в настоящий момент в области изучения СОВ существует ряд инструментальных и методологических проблем. Первый класс проблем относится к условиям актуализации СОВ в рамках исследования. Так, можно выделить вопросы, касающиеся экологической валидности СОВ и определения количества СОВ, необходимого и достаточного для анализа личности; вопросы, касающиеся создания инструкций для актуализации СОВ, а также проблему разнородности данных, получаемых от разных респондентов в ответ на одну и ту же инструкцию. Второй класс проблем касается «дилеммы кодирования», т.е. преимуществ и недостатков использования экспертных оценок при анализе СОВ. Заключительная проблема отражает необходимость выработки нового подхода к анализу структуры СОВ, предполагая, что за фенотипически сходными воспоминаниями могут стоять разные процессы их формирования, которые могут быть связаны с различными феноменологическими и функциональными характеристиками СОВ. Проведенный анализ выделенных проблемных областей может предоставить опорные точки при планировании и проведении будущих эмпирических исследований СОВ.

Ключевые слова: самоопределяющие автобиографические воспоминания, автобиографическая память, нарративная идентичность, множественная идентичность, личность

Введение

В определенной степени человек есть то, что он помнит. Основываясь на воспоминаниях о прожитом опыте, мы строим историю своей жизни, которая имеет сюжет, действующие лица и затрагивает разные жизненные сферы. Эта история может быть наполнена трагичными или счастливыми, но, несомненно, важными событиями, сохранившимися в нашей памяти, которые позволяют нам понять, как мы стали теми, кем являемся, и строить план будущих действий в соответствии с этим пониманием.

Представления о том, что личность человека является всеобъемлющей историей его жизни, образующей «нарративную идентичность», активно разрабатывались в работах Дэна МакАдамса (McAdams, 2001). По его словам, нарративная идентичность служит подростку средством психосоциальной адаптации, позволяющим организовывать свое Я синхронически (учитывая раз-

нообразные социальные роли) и диахронически (оценивая динамику Я во времени) в соответствии с неким самоопределяющим нарративом о прожитом опыте. Иными словами, основная функция истории жизни заключается в интеграции жизненного опыта личности в единое целое, что позволяет ей сосредоточиться на определенных приоритетах и, опираясь на них, прописывать продолжение сценария.

Необходимо отметить, что история жизни не призвана стать неким застывшим инвариантным образованием, но является потенциально пластичным конструктом, который может модифицироваться по мере прохождения жизненного пути, включая в себя новые категории самоописания, меняя расстановку «смысловых акцентов» и подстраиваясь под актуальные жизненные обстоятельства. По мнению Дж. Сингера, создание и развитие нарративной идентичности есть «проект развития жизни человека, никогда не заканчива-

ющийся и всегда отвечающий конкретным вызовам и задачам каждого этапа жизненного цикла» (Singer et al., 2013, с. 570). Так, по мере развития личности, история жизни должна демонстрировать тенденцию к планомерному наращиванию объема и смысловой насыщенности.

Важную роль в процессе формирования нарративной идентичности играет социальный и культурный контекст, при взаимодействии с которым осуществляется интериоризация культурных форм повествований о жизни, таких как «культурный жизненный сценарий», «культурный концепт биографии» и «схема жизненной истории» (Нуркова, 2018). Высшим уровнем культурно-исторической интеграции личной истории жизни является формирование индивидуального концепта судьбы, в котором тесно переплетаются социокультурные нормы и индивидуально-личностные смыслы человека (Нуркова, 2010). При этом отношение между содержанием истории жизни и видением своей судьбы работает в обе стороны, т.к. наличие концептуального представления о собственной жизни приводит к изменению структурных единиц истории жизни на микроуровне, провоцируя дифференциацию воспоминаний на «фотографические», «важные» и «самоопределяющие».

Самоопределяющие воспоминания в структуре нарративной идентичности

Как и в любой истории, в истории жизни имеются особенно красноречивые и яркие эпизоды, существующие в виде самоопределяющих воспоминаний (СОВ). Эти воспоминания представляют собой «мгновенное выражение идентичности» (Singer, 1995), репрезентируя самооценочно значимые личностные черты, ценности и/или ядерную мотивацию рассказчика. В качестве отличительных особенностей СОВ, Дж. Сингер выделил их пять основных атрибутов: 1) перцептивная яркость; 2) эмоциональная насыщенность; 3) высокая частота актуализации; 4) связь с корпусом тематически близких воспоминаний; и 5) фокусировка на долгосрочных целях или неразрешенных проблемах личности.

Иллюстрацией значимости роли СОВ в структуре личности может служить их место в модели самореференционной системы памяти (ССП) М. Конвея (Conway, 2005). Данная модель предполагает существование трех взаимосвязанных структур: «Рабочего Я», «Долговременного Я» и системы эпизодической памяти. Первая структура по аналогии с рабочей памятью содержит актуальные в данный момент мотивы и цели,

участвует в организации текущей деятельности, классифицирует и ранжирует цели, активируя их в зависимости от требований текущей задачи, и поддерживает согласованность между целями, воспоминаниями и образами Я. Долговременное Я состоит из двух подсистем: базы автобиографических знаний, хранящей информацию о событиях разного уровня обобщения (периоды жизни, обобщенные события, конкретные события) и «Концептуального Я» — представлений о своих качествах, свойствах, т.е. о том, каким Я было, есть и может быть в будущем. Конкретные воспоминания конструируются по двойному запросу Рабочего Я к Долговременному Я и системе эпизодической памяти, в результате чего информация из Долговременного Я подкрепляется насыщенным аффективными и перцептивными образами эпизодическим воспоминанием.

СОВ, рассмотренные в рамках ССП, представляют собой инцидентные воспоминания о конкретных событиях, но в то же время позволяют эксплицировать в сознание содержание Концептуального Я, выступая своеобразным доказательством правомерности приписывания себе тех или иных личностных атрибутов. Таким образом, благодаря данному типу воспоминаний обеспечивается межфункциональное взаимодействие систем личности и автобиографической памяти.

Следует подчеркнуть, что СОВ — не просто пассивные отражения содержания Я-концепции, которые позволяют человеку описать себя и свою историю другим. Этот тип воспоминаний может выступать в качестве средства активного воздействия на протекание различных психических процессов (Нуркова, 2022). Потенциал использования СОВ в качестве «психологических орудий» экспериментально подтверждается рядом исследований, рассматривающих случаи применения СОВ в психотерапии. Например, Сингер и Лабунко-Мессье описывают пример использования СОВ, отражающего позитивные моменты отношений, в ходе семейной терапии — счастливое воспоминание о совместной прогулке семейной пары смогло стать ресурсом, сдерживающим партнеров во время ссор (Singer, Labunko-Messier, 2011). Известны также немногочисленные случаи, когда изменение самого СОВ приводило к изменению выраженности отдельных личностных черт. В частности, в исследовании В.В. Нурковой и Д.А. Василенко показано, что обогащение репертуара доступных позитивных СОВ может приводить к снижению уровня личностной тревожности (Nourkova, Vasilenko, 2018).

В целом, предполагается, что СОВ могут использоваться в качестве единицы анализа личности, предоставляя человеку возможность емко описать ключевые аспекты его Я с помощью самоопределяющего нарратива. Однако в настоящий момент в области исследований СОВ наблюдается ряд инструментальных и методологических проблем, которые, обобщая, можно свести к трем основным линиям: 1) проблемам условий актуализации СОВ в ходе исследования, 2) сложностям определения оптимального пути анализа СОВ, выражающихся, в частности, в «дилемме кодирования» нарративов, 3) попаданию в «ловушку фенотипа» за счет преобладания феноменологических и корреляционных исследований. Далее мы рассмотрим каждую из этих проблем подробнее.

Контекст имеет значение: об актуализации СОВ в условиях исследования

В последнее время многие исследователи акцентируют внимание на понимании идентичности как полифонической конструкции (Зайцева, Горюнова, 2021), которая может объединять в себе множество историй, не все из которых оказываются согласованными. Человек обладает широким набором социальных ролей (например, «Я как студент», «Я как сын» и т.д.), с каждой из которых может быть связана своя особая история, которая, будучи частью глобальной нарративной идентичности человека, не подчиняет себе другие истории, но существует наравне с ними.

Учитывая возможность существования разнообразных, в том числе противоречивых и не пересекающихся частных идентичностей у одного человека, задача описать всю свою личность одним воспоминанием становится практически невыполнимой. Более того, даже при наличии стабильного и согласованного чувства Я, подобная задача может вызывать немалые трудности в силу широты репертуара самооценочно значимых качеств, проявляющихся в разных жизненных ситуациях. Следовательно, логично предположить, что отдельно взятое СОВ, репрезентируя конкретные «части» личности, все же не может позволить оценить сложность и комплексность структуры интегральной идентичности. Разумеется, репертуар СОВ может содержать в себе далеко не одно воспоминание, но встает закономерный вопрос — сколько воспоминаний требуется для получения достаточно полной картины? Каким должно быть оптимальное количество СОВ, рассказанных респондентом, чтобы экспериментатор мог в полной мере оценить специфику его

личности? И возможно ли вообще определение некоего универсального числа для этой цели? В настоящий момент количество СОВ, запрашиваемых у респондентов в ходе исследования, в большинстве случаев варьируется от одного до десяти, но отношения между качеством и количеством все еще остаются неясными.

Проблема множественной идентичности задает еще одну методическую сложность, связанную с контекстом актуализации СОВ. Очевидно, что актуализация той или иной части идентичности, и, как следствие, содержание и форма личного нарратива, определяется наличным контекстом или дискурсом (Зайцева, 2016), — иными словами, мы по-разному описываем свою личность для разных людей. Существуют исследования, показывающие важность роли аудитории при формировании и экспликации СОВ: например, в зависимости от реакции и вовлеченности в беседу, слушатели могут способствовать интеграции в опыт нарратора негативных историй (Weeks, Pasupathi, 2011) и/или укреплять отраженные в рассказе представления о своей идентичности (Weeks, Pasupathi, 2010), что может вести за собой трансформацию нарративов в последующих рассказах. Однако при актуализации СОВ в экспериментальных условиях контекст обычно отходит на второй план, что является, на наш взгляд, серьезным упущением. В исследованиях СОВ респонденту предлагается описать свою личность, используя воспоминание, обладающее заданными характеристиками, однако сложно представить выполнение такой задачи без существования некоего адресата подобного описания. Имеются различные вариации предъявляемых инструкций для актуализации СОВ, предлагающих описать свою личность «человеку, который вам очень нравится» (Singer, Blagov, 2002) или выбрать такое воспоминание, которое бы достойно представило рассказчика после его смерти (McDarby et al., 2020), но в обоих случаях фигура «получателя» остается довольно размытой, вследствие этого, затрудняя (как для респондента, так и для исследователя) и понимание того, какая часть Я-концепции будет описана.

С другой стороны, обозначение респонденту жестких рамок того, что и как должно быть рассказано, также, по-видимому, не имеет смысла. В недавней статье Мониша Пасупати с коллегами проверяли гипотезу о влиянии предписанной цели рассказывания воспоминания на характеристики нарратива (Mansfield, Pasupathi, McLean, 2023). В рамках данного исследования респонденты выбирали СОВ, которое они ранее

не рассказывали своему романтическому партнеру, и оценивали по 7-балльной шкале, насколько рассказывание этого СОВ другим людям в прошлом соответствовало каждой из трех целей: 1) поделиться с другим извлеченным из события смыслом (share-meaning); 2) найти для самого себя смысл этого события (seek-meaning) и/или 3) развлечь слушателя (entertain). Затем респонденту случайным образом приписывали одну из этих целей наррации и просили рассказать выбранное воспоминание своему романтическому партнеру, исходя из заданной цели. Однако результаты показали, что, если поставленная самостоятельно ретроспективная цель действительно связана с тем, как респондент рассказывал СОВ партнеру, то случайно заданная экспериментаторами цель никак не влияла на характеристики нарратива. По мнению авторов, данный эффект объясняется неразрывной связью содержания события с тем, как и почему оно будет рассказано, вследствие чего искусственное приписывание иных мотивов и целей рассказа игнорируется за счет преобладающего влияния силы этой связи.

Но что если не пытаться менять условия, а исследовать нарративы как они есть, учитывая предшествовавший контекст их формирования и актуализации? Как отмечает Кейт МакЛин, крайне маловероятно, что важные автобиографические воспоминания будут впервые актуализированы в лаборатории — напротив, с большой вероятностью они многократно пересказывались другим людям в различных ситуациях (McLean, Pasupathi, Pals, 2007). Возможно, что отчет респондентов о том, в каких обстоятельствах обычно рассказывается актуализированное в ходе исследования СОВ, может успешно дополнять анализ воспоминания, позволяя сохранить единство СОВ и соответствующего ему контекста.

Однако в случае с СОВ встает также вопрос об экологической валидности данного конструкта. Как мы отмечали ранее, для актуализации СОВ используется специальная инструкция, в которой указывается ряд требований к предоставляемому материалу. Респондента просят описать такое воспоминание, которое: 1) относится к периоду более года назад (индикатор принадлежности к автобиографической памяти); 2) вызывает яркие эмоции, позитивные или негативные (индикатор релевантности актуальной мотивации); 3) обладает четкостью и детальностью (индикатор субъективной достоверности); 4) многократно вспоминалось прежде (индикатор включенности в психологический репертуар) и 5) вызывает цепь

ассоциативно связанных воспоминаний (индикатор вершинного положения в «смысловой грозди» автобиографических воспоминаний). Подобная процедура может приводить к тому, что респондент будет не просто актуализировать некое воспоминание, которое активно используется им в реальной жизни для решения различных личностных задач, но специально конструировать СОВ таким образом, чтобы оно соответствовало заданным в инструкции критериям. В таком случае, СОВ будут являться психологическими новообразованиями, формирование которых спровоцировано экспериментальной процедурой.

Заключительная в данном параграфе проблема состоит в том, что при использовании единой инструкции исследователи могут получать чрезвычайно разнородные данные. Люди по-разному выстраивают нарративы СОВ, качественно и количественно варьируя параметры повествования, что может обуславливать большой интериндивидуальный разброс даже внутри одной относительно однородной группы. Природа этой разнородности может заключаться в индивидуальном стиле наррации респондента, который может быть обусловлен личностными факторами, в том числе, спецификой частной Я-концепции, к которой относится СОВ, и/или степенью сформированности интегральной Я-концепции рассказчика, а также рядом ситуационных и коммуникативных особенностей. Для возможного разрешения данной проблемы, по нашему мнению, может быть перспективным проведение большего количества лонгитюдных исследований, позволяющих фиксировать интраиндивидуальные изменения и учитывать индивидуальный стиль конструирования СОВ. Однако, несмотря на успешность некоторых подобных работ (Dunlop, Guo, McAdams, 2016; McLean et al., 2022), сейчас область лонгитюдных исследований СОВ отличается крайней бедностью.

Дилемма кодирования: стоит ли верить экспертным оценкам?

В абсолютном большинстве работ в качестве единиц анализа используются нарративы СОВ, которые могут кодироваться разными способами в зависимости от целей исследования. Изучаемые ныне характеристики, фиксируемые с помощью разнообразных кодировочных систем, можно условно разделить на два больших класса: формальные и содержательные. Формальные характеристики, такие как возраст, в котором произошло событие, длина нарратива (в знаках или словах), протяженность события во време-

ни и т.п., просты в идентификации и обработке, т.к. не предполагают дополнительных интерпретаций со стороны эксперта-кодировщика — они либо присутствуют в нарративе, либо нет. С содержательными характеристиками дело обстоит несколько сложнее: являясь изначально продуктом субъективных интерпретаций рассказчика, они подвергаются повторной интерпретации со стороны кодировщика, становясь, таким образом, «дважды-субъективными». Конечно, некоторые содержательные параметры также кажутся достаточно очевидными: например, можно определить тематическое содержание событий, классифицируя их по более или менее широким категориям (Thorne, McLean, 2001, Demorest, 2008), закодировать восходящие (redemption) и нисходящие (contamination) сюжеты (McAdams et al., 2001), дифференцировать «высокие», «низкие» и «поворотные» точки истории жизни. Однако существуют и более «глубокие» характеристики, выражающие связь содержания события с личностью рассказчика.

Учитывая предполагаемую значимость роли СОВ для развития и поддержания чувства идентичности, выявление таких связей и их специфики, представляется особенно важным — именно анализ связи между содержанием события и личностью может пролить свет на процесс развития истории жизни (Pasupathi, Mansour, Brubaker, 2007). Выше мы упоминали предложенную Пасупати с коллегами классификацию четырех типов связей содержания события с Я рассказчика (self-event connections). Сосредотачивая внимание на более глубоких уровнях рефлексивной обработки нарративов в ходе автобиографического рассуждения, МакЛин и Торн разработали руководство для выявления уровней смысла, понимаемого как связывание содержания воспоминаний с абстрактным самопознанием, которое может иметь разную степень обобщения (McLean, Thorne, 2001): 1) выучивание урока предполагает обобщение извлеченного знания на схожие/аналогичные ситуации (например, «Не спорить с родителями»); 2) обретение инсайта предполагает распространение полученного знания на широкий круг жизненных сфер («Я стал более сознательным»).

Проблема выявления подобных характеристик заключается в том, что зачастую испытуемые рассказывают «скелетные» нарративы, в которых при детальном описании фактического содержания отсутствует эксплицитная связь содержания события с личностью нарратора. В качестве примера приведем СОВ одной из наших респонденток

из архива данных:

У нас в школе есть такая штука, как летние выезды. Суть в том, что мы выезжали как бы на практику, и я там сделала стол, с нуля. Ну, т.е. он там с чертежами, такой классный, он прям очень красивый, но суть в том, что как бы процесс его создания, поскольку он никем не... Ну, во-первых, в конце я была довольна результатом, и все были довольны результатом, т.е. это приятно. И сам процесс его... [создания] был как бы полной отдачей, т.е. ты просыпаешься и такой: «Скорее бы у меня настал перерыв, я пойду доски шлифовать, это так чудесно».

Из содержания этого воспоминания отнюдь не очевидно, как оно связано с личностью рассказчицы, какой смысл она из него извлекла — единственным выводом может стать, разве что, факт, что девушке нравится делать столы.

Означает ли отсутствие эксплицитных признаков смысла и связей содержания события с Я рассказчика, что рассказанное воспоминание незначимо для его обладателя? В некоторых случаях — возможно. Но может быть и иное объяснение. Нарративы СОВ, как упоминалось выше, тесно связаны с контекстом их актуализации, — таким образом, если вопрос исследователя подразумевает задачу рассказать какое-либо событие, характеризующее личность респондента, тот в свою очередь не видит необходимости вдаваться в подробности о том, каков характер этой связи, что отнюдь не означает, что он не располагает этими подробностями. В некоторых случаях выявить их помогает прямой вопрос о значении рассказанного воспоминания для его обладателя. Например, та же респондентка, после просьбы пояснить, как опыт создания стола может помочь понять ее Я, дополнила свое описание следующим образом:

Я его сделала, и я горжусь этим столом. Тут есть и творческая жилка, и тот факт, что я люблю пробовать новое, и тот факт, что я умею думать присутствует. Это событие было единственным в своем роде до этого и, даже, косвенно, научило чему-то, но не как навыку, а как осознанию своих возможностей, именно тому, что я обладаю достаточной компетенцией для создания чего-то с нуля.

С этим дополнением описание выглядит намного более полным. В нем можно выделить и связи с Я респондентки, иллюстрирующие присущие ей черты — любовь к творческой деятельности, открытость к новому опыту, умение думать, — и извлеченный из этого события «инсайт», дополнивший представления респондентки о себе как

о человеке, способном создать нечто «с нуля».

Данный пример наводит на мысль о том, что при кодировании СОВ резонно предоставлять респондентам возможность самим оценить нарративы по заданным параметрам, предварительно разясняя их содержание. Действительно, в исследованиях СОВ респондентам дается рефлексивная задача — описать самого себя с помощью воспоминания — которую те, с разной степенью успешности, выполняют, однако в абсолютном большинстве случаев последующие интерпретации остаются за исследователем на уровне экспертных оценок. Но в таком случае теряется главное — человек, которому принадлежит это воспоминание и личностный смысл, который тот в него вкладывал. Подобное изъятие субъекта рефлексии из последующего анализа может, на наш взгляд, приводить к значительной редукции получаемых результатов. К тому же, с точки зрения изучения нарративной идентичности, оценка параметров СОВ самим респондентом представляется более важной, так как автор воспоминания, по сравнению с экспертом, может предоставить более полное понимание того, что для него значит описанное событие (Holm, Thomsen, 2018).

Однако существует и другой подход к этому вопросу. Предпринимались несколько попыток ввести в качестве переменных, наряду с экспертными оценками, самооценки испытуемых по предлагаемым параметрам (преимущественно, с помощью опросников), но абсолютное большинство таких исследований показывают, что самооценки и экспертные оценки не совпадают (Panattoni, McLean, 2018). По мнению МакЛин и Панаттони, такое расхождение может объясняться тем, что при присвоении самооценок респондент отражает свои сознательные интерпретации значения рассказанного события для его личности, в то время как при экспертном кодировании учитываются как сознательные, так и бессознательные аспекты нарративной идентичности. По альтернативной версии Д. МакАдамса, расхождение самооценок и экспертных оценок может объясняться также качественным различием оцениваемого материала (McAdams, 2018). Так, при присвоении экспертных оценок кодировщик ограничен текстом нарратива. В случае самооценивания же респондент имеет непосредственный доступ к своему опыту, т. е. обладает большим количеством информации, чем он рассказал в ходе интервью, которую, однако, он может учитывать при самостоятельном кодировании СОВ.

Так или иначе, вопрос о том, каким образом

кодировать нарративы СОВ, — использовать для этого экспертные оценки или предоставлять респондентам самим оценивать свои воспоминания, — остается дискуссионным. Ответ на него, на наш взгляд, может зависеть от целей исследования, а также от позиции самого экспериментатора, подразумевая следующую дилемму: «Что важнее — выявление личного отношения респондента к содержанию его опыта, пусть и крайне субъективного, или попытка получить относительно объективное экспертное знание?».

Ловушка фенотипа

В настоящий момент большая часть работ, посвященных СОВ, представляет собой корреляционные исследования, в которых отдельные феноменологические характеристики самоопределяющих нарративов связываются с личностными чертами и особенностями поведения. При этом зачастую в качестве параметра анализа рассматривается структура СОВ, которая характеризуется уровнем специфичности (specificity).

Специфичность в понимании Сингера противопоставляется обобщенности: под специфическим воспоминанием понимается конкретное событие, происходившее в рамках одних суток и содержащее большое количество сенсорных и аффективных деталей (Singer, Blagov, 2004). Такое воспоминание актуализируется в сознании респондента как короткометражный фильм, полный ярких подробностей и вызывающий сильный эмоциональный отклик (Singer, 2005).

Напротив, неспецифические или обобщенные воспоминания лишены сенсорной детальности. Они отражают события, происходившие в течение определенного временного промежутка или периода жизни, зачастую достаточно продолжительного (неделя, месяц, год).

Такая трактовка, на наш взгляд, может быть признана редукционистской, поскольку упускает значимый аспект. Специфичность в таком понимании рассматривается лишь формально, описывая исключительно аспект локализации и протяженности события во времени. Но организация и функции автобиографической памяти со временем усложняются. Появляется вышеупомянутый процесс автобиографического рассуждения, позволяющий, в частности, связывать конкретное содержание событий с абстрактными личностно значимыми ценностями, принципами и смыслами, превращая мнемический образ в метафору.

Принимая во внимание то, что автобиографическая память является высшей мнемической

функцией (Нуркова, 2010), организация которой качественно изменяется на разных этапах развития личности, логично предположить, что за схожими фенотипическими проявлениями могут стоять результаты процессов генеза разных уровней сложности. Таким образом, предполагается возможность существования двух качественно разных типов специфических воспоминаний (Сул-им, Нуркова, 2022).

«Первично-специфические» («инцидентные») воспоминания представляют собой отражение «чистой» чувственной ткани образа, передающей лишь фактическое содержание события. Такой тип воспоминаний является простейшей формой, не требующей рефлексивной обработки, и может быть доминирующим на ранних этапах онтогенеза, а также в случае формального отношения респондента к выполнению задания и/или его (респондента) низкой рефлексивности.

По мере развития и усложнения структуры сознания и когнитивных процессов, в частности, способности к обобщению, может усложняться и структура СОВ. Вначале появляется возможность связывать содержание событий с похожими/аналогичными ситуациями, затем может происходить отрыв от непосредственной чувственной ткани событий, позволяя формировать «комплексные» воспоминания, где описываемое событие выступает как образец, будучи звеном в цепи аналогичных ситуаций. Наконец, полное обобщение нескольких событий позволяет формировать воспоминания, отражающие целостные эпизоды, объединяя периоды жизни различной продолжительности в согласованный рассказ, организованный в соответствии с некой значимой темой или смыслом.

Но Сингер отмечал, что СОВ могут выступать «мгновенным выражением идентичности» (Singer, 1995), позволяющим репрезентировать ключевые самооценочно значимые качества посредством инцидентного, специфического воспоминания. Исходя из этого, справедливо предположить возможность существования «вторично-специфических» («метафорических») воспоминаний, в которых представления субъекта о себе опосредствуются специфическим перцептивным образом. Вторично-специфическое воспоминание, в от-

личие от первично-специфического, по-видимому, требует высокой степени интеграции системы личности и предоставляет возможность метафорически выразить ключевые аспекты Я-концепции с помощью перцептивно-насыщенного содержания СОВ.

Выделение сходных фенотипически, но различных по внутреннему строению и способу формирования типов воспоминаний создает дополнительный вызов для исследователей, поднимая вопрос о способе различения инцидентных и метафорических СОВ. Возможно, что продуктивным решением данной задачи может стать использование дополнительных инструментов, оценивающих характеристики Я-концепции (например, степень «ясности» Я-концепции). Однако ответ на этот вопрос требует проведения дополнительных поисковых исследований.

Заключение

Развитие исследований самоопределяющих автобиографических воспоминаний обладает значительным потенциалом для психологии личности. СОВ могут выступать в качестве уникальных единиц анализа, позволяющих прояснить специфику межфункционального взаимодействия систем личности и автобиографической памяти. Выделенные нами исследовательские проблемы представляют собой скорее богатое поле возможностей для дальнейшей работы, чем непреодолимые препятствия. Кроме того, отметим, что обозначенные в данной статье ограничения существующих методов отнюдь не отрицают и возможного наличия их преимуществ.

Таким образом, несмотря на существующие трудности, СОВ могут выступать в качестве эффективных инструментов в арсенале современных исследователей и практиков. Надеемся, что, принимая во внимание обозначенные в проведенном анализе проблемные зоны, будущие исследования позволят выработать наиболее оптимальные стратегии анализа СОВ и прояснить роль данного типа воспоминаний в реализации разноуровневых личностных процессов.

Литература:

1. Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 118-136.
2. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна. // Петербургский психологический журнал.

2021. № 37. С. 89-132.
3. Нуркова В.В. Жизнь–инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария //Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1(30). С. 56-73.
 4. Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 73-96.
 5. Нуркова В.В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 79-89.
 6. Сулим О.С., Нуркова В.В. Проблема дифференциации инцидентных и метафорических самоопределяющих автобиографических воспоминаний // Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков-к новым достижениям и инновациям. 2022. С. 182-183.
 7. Conway M.A. Memory and the self // Journal of memory and language. 2005. Vol. 53. № 4. Pp. 594-628.
 8. Demorest A.P. A taxonomy for scenes // Journal of Research in Personality. 2008. Vol. 42. № 1. Pp. 239-246.
 9. Dunlop W.L., Guo J., McAdams D.P. The autobiographical author through time: Examining the degree of stability and change in redemptive and contaminated personal narratives // Social Psychological and Personality Science. 2016. Vol. 7. № 5. Pp. 428-436.
 10. Holm T., Thomsen D.K. Self-event connections in life stories, self-concept clarity, and dissociation: Examining their relations with symptoms of psychopathology // Imagination, Cognition and Personality. 2018. Vol. 37. № 3. Pp. 293-317.
 11. Mansfield C.D., Pasupathi M., McLean K.C. The challenges of the experimental paradigm in narrative identity research // Journal of Research in Personality. 2023. Vol. 102. doi:10.1016/j.jrp.2022.104318
 12. McAdams D.P. et al. When bad things turn good and good things turn bad: Sequences of redemption and contamination in life narrative and their relation to psychosocial adaptation in midlife adults and in students // Personality and social psychology bulletin. 2001. Vol. 27. № 4. Pp. 474-485.
 13. McAdams D.P. Narrative identity: What is it? What does it do? How do you measure it? // Imagination, cognition and personality. 2018. Vol. 37. № 3. Pp. 359-372.
 14. McAdams D.P. The psychology of life stories // Review of general psychology. 2001. Vol. 5. № 2. Pp. 100-122.
 15. McDarby M., Mroz E., Bluck S., Carpenter B. How Will I Be Remembered? Reflection on Virtues in Self-Defining Memories Across Adulthood // Innovation in Aging. 2020. № 4(1). Pp. 418.
 16. McLean K.C. et al. Stability and change in autobiographical reasoning: A 4-year longitudinal study of narrative identity development // Journal of Personality. 2022. Vol. 90. № 3. Pp. 343-356.
 17. McLean K.C., Pasupathi M., Pals J.L. Selves creating stories creating selves: A process model of self-development // Personality and social psychology review. 2007. Vol. 11. № 3. Pp. 262-278.
 18. McLean K.C., Thorne A. Manual for coding meaning-making in self-defining memories (Adapted from coding manual for relationship memories) // Verkregen van. 2001. Vol. 11. <http://people.ucsc.edu/avril/PDFs/Pdf>.
 19. Nourkova V.V., Vasilenko D.A. On the advantage of autobiographical memory pliability: Implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety // Memory. 2018. Vol. 26. № 7. Pp. 869-881.
 20. Panattoni K., McLean K.C. The curious case of the coding and self-ratings mismatches: A methodological and theoretical detective story // Imagination, Cognition and Personality. 2018. Vol. 37. № 3. Pp. 248-270.
 21. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J.R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // Human development. 2007. Vol. 50. № 2-3. Pp. 85-110.
 22. Singer J., Blagov P. Self-defining memory request & rating sheet // Connecticut College: New London, CT. 2002.
 23. Singer J.A. et al. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of personality. 2013. Vol. 81. № 6. Pp. 569-582.
 24. Singer J.A. Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life. New Harbinger Publications, 2005.
 25. Singer J.A. Seeing one's self: Locating narrative memory in a framework of personality // Journal of Personality. 1995. Vol. 63. № 3. Pp. 429-457.
 26. Singer J.A., Blagov P. The Integrative Function of Narrative Processing: Autobiographical Memory, Self-Defining Memories, and the Life Story of Identity. In D.R. Beike, J.M. Lampinen, D.A. Behrend (Eds.),

- The self and memory, 2004. Pp. 117-138.
27. Singer J.A., Labunko-Messier B. Using self-defining memories in couples therapy with older adults // *Teoksessa Storying Later Life. Issues, Investigations, and Interventions in Narrative Gerontology*, toim. William L. Randall, Ernst Bohlmeijer, Gary M. Kenyon. Oxford: Oxford University Press, Inc. 2011. Pp. 213-234.
 28. Thorne A., McLean K.C. Manual for coding events in self-defining memories // Unpublished manuscript, University of California, Santa Cruz. 2001. Vol. 11. № 4. Pp. 235-250.
 29. Weeks T.L., Pasupathi M. Autonomy, identity, and narrative construction with parents and friends // *Narrative development in adolescence*. Springer, Boston, MA, 2010. Pp. 65-91.
 30. Weeks T.L., Pasupathi M. Stability and change self-integration for negative events: The role of listener responsiveness and elaboration // *Journal of personality*. 2011. Vol. 79. № 3. Pp. 469-498.

PERSONALITY PSYCHOLOGY: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SELF-DEFINING MEMORIES STUDY

© Olga S. Sulim

Junior Researcher, Laboratory of Personality Psychology,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sulimos@ipran.ru; ORCID: 0009-0005-8011-6330

The study of self-defining autobiographical memories (SDMs) is an important area of research in personality psychology. These memories can be used as a unique unit of analysis for the self-concept, as they allow us to capture its main content in a concise and metaphorical form. However, there are several instrumental and methodological challenges in the study of SDMs at the moment. The first set of challenges relates to the actualization of SDMs in the context of the study. For example, there are issues related to the ecological validity of SDMs and the number of memories necessary and sufficient for a comprehensive analysis of personality. Additionally, there is the challenge of creating instructions for updating SDMs as well as the heterogeneity of data collected from different participants in response to the same prompts. Another set of challenges concerns the «coding dilemma», which refers to the difficulty in assigning meaning to the content of SDMs. This includes issues such as determining what constitutes a significant event or experience, how to categorize memories, and how to interpret the meaning of specific details within the memories. The advantages and disadvantages of using expert assessments in SDMs analysis are discussed. The final issue reflects the need for a new approach to analyzing the structure of SDMs, as it suggests that phenotypically similar memories may be founded on different processes of formation, which could be associated with distinct phenomenological and functional features of SDMs. Analysis of these identified problem areas could provide a basis for planning and carrying out future empirical studies of SDMs.

Key words: self-defining memories, autobiographical memory, narrative identity, multiple identity, personality

REFERE`NCES

1. Zaitseva Yu.E. (2016). Self-narrative as a tool for constructing identity: an existential-narrative approach // *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy*. № 1. Pp. 118-136.
2. Zaitseva Yu.E., Goryunova Yu.V. (2021). Life scenario of young people in a polynarrative perspective: cultural prohibitions and prescriptions of postmodernism. // *Petersburg Psychological Journal*. № 37. Pp. 89-132.
3. Nurkova V.V. (2018). Life is an instruction manual: the results of a graphic explication of the Cultural Life Scenario // *International Journal of Cultural Studies*. № 1(30). Pp. 56-73.
4. Nurkova V.V. (2010). To talk about oneself, to talk about oneself, to tell oneself: an autobiographical

- narrative from the standpoint of a cultural-activity approach // Development of personality. № 1. Pp. 73-96.
5. Nurkova V. V. (2022). Self-defining autobiographical memories in the system of personal-mnemic interfunctional connections // Cultural-historical psychology. Vol. 18. № 1. Pp. 79-89.
 6. Sulim O. S., Nurkova V. V. (2022). The problem of differentiating incidental and metaphorical self-defining autobiographical memories // Ananyev Readings-2022. 60 years of social psychology at St. Petersburg State University: from the origins to new achievements and innovations. Pp. 182-183.
 7. Conway M. A. (2005). Memory and the self // Journal of memory and language. Vol. 53. № 4. Pp. 594-628.
 8. Demorest A. P. (2008). A taxonomy for scenes // Journal of Research in Personality. Vol. 42. № 1. Pp. 239-246.
 9. Dunlop W. L., Guo J., McAdams D. P. (2016). The autobiographical author through time: Examining the degree of stability and change in redemptive and contaminated personal narratives // Social Psychological and Personality Science. Vol. 7. № 5. Pp. 428-436.
 10. Holm T., Thomsen D. K. (2018). Self-event connections in life stories, self-concept clarity, and dissociation: Examining their relations with symptoms of psychopathology // Imagination, Cognition and Personality. Vol. 37. № 3. Pp. 293-317.
 11. Mansfield C. D., Pasupathi M., McLean K. C. (2023). The challenges of the experimental paradigm in narrative identity research // Journal of Research in Personality. Vol. 102. doi:10.1016/j.jrp.2022.104318
 12. McAdams D. P. et al. (2001). When bad things turn good and good things turn bad: Sequences of redemption and contamination in life narrative and their relation to psychosocial adaptation in midlife adults and in students // Personality and social psychology bulletin. Vol. 27. № 4. Pp. 474-485.
 13. McAdams D. P. (2018). Narrative identity: What is it? What does it do? How do you measure it? // Imagination, cognition and personality. Vol. 37. № 3. Pp. 359-372.
 14. McAdams D. P. (2001). The psychology of life stories // Review of general psychology. Vol. 5. № 2. Pp. 100-122.
 15. McDarby M., Mroz E., Bluck S., Carpenter B. (2020). How Will I Be Remembered? Reflection on Virtues in Self-Defining Memories Across Adulthood // Innovation in Aging. № 4(1). Pp. 418.
 16. McLean K. C. et al. (2022). Stability and change in autobiographical reasoning: A 4-year longitudinal study of narrative identity development // Journal of Personality. Vol. 90. № 3. Pp. 343-356.
 17. McLean K. C., Pasupathi M., Pals J. L. (2007). Selves creating stories creating selves: A process model of self-development // Personality and social psychology review. Vol. 11. № 3. Pp. 262-278.
 18. McLean K. C., Thorne A. (2001). Manual for coding meaning-making in self-defining memories (Adapted from coding manual for relationship memories) // Verkregen van. Vol. 11. <http://people.ucsc.edu/avril/PDFs/Pdf>.
 19. Nurkova V. V., Vasilenko D. A. On the advantage of autobiographical memory pliability: Implantation of positive self-defining memories reduces trait anxiety // Memory. 2018. Vol. 26. № 7. Pp. 869-881.
 20. Panattoni K., McLean K. C. (2018). The curious case of the coding and self-ratings mismatches: A methodological and theoretical detective story // Imagination, Cognition and Personality. Vol. 37. № 3. Pp. 248-270.
 21. Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J. R. (2007). Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // Human development. Vol. 50. № 2-3. Pp. 85-110.
 22. Singer J., Blagov P. (2002). Self-defining memory request & rating sheet // Connecticut College: New London, CT.
 23. Singer J. A. et al. (2013). Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of personality. Vol. 81. № 6. Pp. 569-582.
 24. Singer J. A. (2005). Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life. New Harbinger Publications.
 25. Singer J. A. (1995). Seeing one's self: Locating narrative memory in a framework of personality // Journal of Personality. Vol. 63. № 3. Pp. 429-457.
 26. Singer J. A., Blagov P. (2004). The Integrative Function of Narrative Processing: Autobiographical Memory, Self-Defining Memories, and the Life Story of Identity. In D. R. Beike, J. M. Lampinen, D. A. Behrend (Eds.), The self and memory. Pp. 117-138.
 27. Singer J. A., Labunko-Messier B. (2011). Using self-defining memories in couples therapy with older adults // Teoksessa Storying Later Life. Issues, Investigations, and Interventions in Narrative Gerontology, toim. William L. Randall, Ernst Bohlmeijer, Gary M. Kenyon. Oxford: Oxford University Press, Inc. Pp. 213-234.

28. Thorne A., McLean K.C. (2001). Manual for coding events in self-defining memories // Unpublished manuscript, University of California, Santa Cruz. Vol. 11. № 4. Pp. 235-250.
29. Weeks T.L., Pasupathi M. (2010). Autonomy, identity, and narrative construction with parents and friends // Narrative development in adolescence. Springer, Boston, MA. Pp. 65-91.
30. Weeks T.L., Pasupathi M. (2011). Stability and change self-integration for negative events: The role of listener responsiveness and elaboration // Journal of personality. Vol. 79. № 3. Pp. 469-498.